

Новоиспеченный муж Янь Хун наконец-то увёл притихшую Чжан Ламэй.

Молодой человек, которого все называли руководителем Линем, перевел взгляд с Цзян Юйшэн на Цзян Мэйшэна. На мгновение они встретились глазами. Цзян Мэйшэн опешил: во взгляде незнакомца проскользнуло нечто такое, словно тот смотрел на старого друга. Впрочем, молодой ученый тут же отвел взор.

Неловкость, вызванная выходкой Чжан Ламэй, мгновенно улетучилась, и обстановка разрядилась. Лин Юаньфан поспешила представить гостей Линь Юйбаю:

— Это моя младшая сокурсница, Цзян Юйшэн. Она сейчас преподает в Яньцзинском педагогическом университете. А это её старший брат, его зовут...

— Цзян Мэйшэн, — негромко произнес Линь Юйбай. И хотя его голос прозвучал мягко, в нем угадывалась странная, почти торжественная серьезность.

Цзян Мэйшэн удивленно приподнял брови:

— Вы меня знаете?

— Меня зовут Линь Юйбай. Мы учились в одной средней и старшей школе. Не помнишь?

Это имя — Линь Юйбай — отозвалось в сознании Цзян Мэйшэна глухим ударом гонга. Точно! Недавно возле кафедры в Яньцзинском педагогическом университете он слышал, как преподаватели судачили о каком-то выдающемся сотруднике «Центра фармацевтических исследований и разработок»... «Линь... как же его там... Юйбай?» Похоже, речь шла именно о нем.

Линь Юйбай утверждал, что они учились в одной школе, но Мэйшэн, как ни пытался, не мог воскресить в памяти его лицо. Впрочем, ничего удивительного: в огромной школе, где параллели ломились от учеников, а классы не пересекались, разминуться было проще простого.

В глазах Линь Юйбая промелькнула тень разочарования:

— По твоему лицу мне показалось, что ты меня вспомнил.

Мэйшэн отреагировал вовсе не на саму встречу. Просто это имя мгновенно воскресило в его памяти сюжеты тех трех книг, которые он когда-то увидел во сне. Линь Юйбай... Ведь именно так звали главного героя-пассива в третьем романе.

Однако книжный персонаж едва достигал ста семидесяти восьми сантиметров, в то время как этот реальный исследователь-светило явно перешагнул отметку в метр восемьдесят пять. Мэйшэн на секунду замешкался, пытаясь сопоставить факты:

— Линь Юйбай? Твое имя пишется через «Юй» — тот иероглиф, что означает «тоску» или «меланхолию»? И «Бай» — белый?

Линь Юйбай посмотрел на него долгим, пронзительным взглядом.

— Нет. Мой «Юй» — это иероглиф «защищать» или «противостоять».

«Хм, почему же тогда имена расходятся?» — мысленно запутался Мэйшэн.

Цзян Юйшэн наконец не выдержала и вмешалась:

— Ты правда Линь Юйбай? Честно говоря, я тебя сначала и не признала!

Все тут же повернулись к ней.

— Вы знакомы? — удивился кто-то.

— В начальной школе учились в одном классе, — кивнула Юйшэн.

— Ого, вот это совпадение!

— Надо же, какая судьба! С сестрой за одной партой сидел, с братом — в одной школе учился! Судьба, не иначе!

Линь Юйбай лишь мягко улыбнулся Юйшэн:

— Я тебя тоже помню. Ты еще в детстве была невероятно умной.

Затем он снова перевел взгляд на Цзян Мэйшэна:

— А ты? Чем сейчас занимаешься? Всё еще рисуешь?

В школьные годы Мэйшэн увлекался живописью, его картины то и дело завоевывали награды на конкурсах, а в холле школы под его работы отводили целый стенд. Но те славные времена давно остались в прошлом. Накатившая легкая грусть заставила его покачать головой:

— Нет, с рисованием покончено. Теперь я пишу веб-романы.

На этот раз удивление отразилось уже на лице Линь Юйбая.

Свадебный банкет постепенно подходил к концу, и гости начали расходиться.

Цзян Юйшэн и Линь Юаньфан обменялись контактами в «Диньдоне», договорившись как-нибудь

вместе пройтись по магазинам, после чего Юйшэн вместе с коллегами поспешила обратно на работу.

Линь Юйбай долго смотрел вслед уходящему Цзян Мэйшэну.

«Мэйшэн-гэ, а ведь я наконец-то перерос тебя.»

К сожалению, человек, образ которого он столько лет бережно хранил в самом сердце, даже не вспомнил его.

Тем временем в комнате отдыха Чжан Ламэй мгновенно протрезвела. Смертельно побледнев, она суматошно семенила за Янь Хуном, засыпая его вопросами:

— А-Хун, то, что сказал тот парень... ведь это неправда, да? Ну кто он такой, чтобы вот так, с полпинка, решать судьбу моего сына?!

Чтобы выбить для ненаглядного сыночка теплое, стабильное местечко — пресловутую «железную пиалу» — Ламэй несколько месяцев буквально стелилась перед семьей Янь Хуна. Тогда-то зять и обмолвился, что в архив Второй группы метаболизма при Центре фармацевтических разработок требуется архивариус. Вакансия была временной, по контракту, но прилежная двухлетняя служба и успешная сдача внутреннего экзамена гарантировали заветный перевод в штат.

Чжан Ламэй резонно рассудила: любые экзамены — лишь формальность, которую при нужных связях всегда можно уладить. Главное — втиснуть парня в систему. Шанс казался поистине золотым. Стоило сыну закрепиться на госслужбе, как сама она наконец-то утерла бы нос всем высокомерным родственникам и соседям, годами смотревшим на нее свысока.

Ламэй прекрасно знала, какая головная боль терзает ее старшую сестру — женитьба тридцатиоднолетнего Янь Хуна. Родственники жениха, впрочем, заносчиво метили высоко: парень статен, образован, отлично зарабатывает — подавай ему невесту из приличного и обязательно богатого семейства.

Прикинув все возможные варианты в своем окружении, Чжан Ламэй поняла, что завиднее партии, чем дети покойных Цзянов, ей не найти.

Их отец был известным художником, мать — балериной. Сама Цзян Юйшэн — молода, красива, с отличным окладом в университете. Родители давно в могиле, а единственный близкий родственник — никчемный старший брат-неудачник. Выйди Юйшэн за Янь Хуна, семья жениха вила бы из нее веревки.

Окрыленная этой идеей, Ламэй побежала сватать молодых людей, будучи уверенной в успехе

на все сто. Каково же было ее потрясение, когда девчонка наотрез отказалась даже смотреть в сторону Янь Хуна!

Оказавшись крайней, Ламэй выслушала от сестры вагон и маленькую тележку язвительных упреков. С досады она заявила в дом Цзянов устраивать сцену, но Цзян Мэйшэн с позором выставил ее за дверь, отчего у нее чуть инфаркт не случился. Пытаясь хоть как-то реабилитироваться перед разгневанной родней, она спешно сосватала Янь Хуну племянницу по линии вторых родственников Цзянов.

Пусть девица и была уже слегка перешагнувшей порог первой молодости, зато имела прочное положение, да и семейное приданое у нее водилось неплохое. Для Янь Хуна — партия более чем достойная.

Потратив кучу сил и наконец устроив брак племянника, Чжан Ламэй уже мысленно праздновала победу, ожидая ответной услуги для собственного сына. Кто же знал, что пара лишних рюмок алкоголя за праздничным столом в одночасье пустит все ее труды коту под хвост!

Локти кусать было поздно — раскаяние жгло ее изнутри.

— А-Хун, послушай, этот парень... он же совсем зеленый еще! Наверняка мелкая сошка, а не начальство! Пожалуйста, помоги брату, поговори с кем надо!

Янь Хун с глубоким омерзением зыркнул на тетку:

— Твоя главная беда — это привычка судить о людях по одежке. Женщина, которая выставила тебя вон, — это Лин Юаньфан. Знаешь, кто ее свекор? Секретарь Сяо! А Линь Юйбай, которого ты назвала «зеленым», — руководитель нашей Второй группы по исследованию детского острого лейкоза при Центре фармацевтических исследований и разработок! Да, он ученый и обычно не лезет в отдел кадров, но стоит ему открыть рот — и руководство расшибется в лепешку, лишь бы выполнить его просьбу!

— Да как такое возможно? — лицо Чжан Ламэй сделалось белее мела. — Такой молодой... и уже у руля? Откуда он взялся? Наверняка папочка с мамочкой теплое местечко подогнали! Вот возьму и накатаю на него жалобу! С какой стати все лакомые должности достаются этим богатеям да чинушам?! Нам, простым работягам, уже и вздохнуть не дают!

Янь Хун презрительно фыркнул:

— Да что ты вообще соображаешь? Он всего добился собственным умом.

Выговаривая эти слова, Янь Хун едва не скрежетал зубами — признание гениальности Линь Юйбая давалось ему с величайшим трудом, словно он расписывался в собственной ничтожности.

— Он в двадцать один год защитил докторскую степень под руководством ученого государственного масштаба! У него этих престижных международных премий столько, что девать некуда! Перед ним открыты все дороги, и портить с ним отношения ради твоего оболтуса я не намерен. Мне самому приходится ходить перед ним на цыпочках. Так что пеняй на себя!

В салоне автомобиля Цзян Юйшэн наконец шумно выдохнула, расслабляя плечи.

С той самой минуты, как на горизонте возник Линь Юйбай, ее поведение стало, мягко говоря, странным.

Это не было кокетливым смущением девушки, завидевшей статного красавца, — скорее паническим трепетом воина, чей непобедимый заклятый враг внезапно материализовался прямо перед носом.

Цзян Мэйшэн с улыбкой покосился на сестру:

— Что с тобой? С чего вдруг такая паника при виде Линь Юйбая?

Юйшэн с мученическим видом смахнула воображаемый холодный пот со лба:

— О-о-о, этот человек — живое воплощение моих детских кошмаров!

Юйшэн могла без ложной скромности заявить, что со средней школы и вплоть до выпуска из университета не знала, каково это — быть второй в рейтинге успеваемости. Но она никогда бы не посмела хвастаться безупречными оценками за начальную школу. А всё потому, что сколько бы сил она ни вкладывала в учебу, над ней всегда, словно грозовая туча, довлел Линь Юйбай.

На любой контрольной или экзамене они либо делили верхнюю строчку напополам, либо она из-за пустяковой невнимательности съезжала на второе место. Линь Юйбай казался безупречно отлаженным механизмом, не знавшим сбоев. Даже у доски он ухитрялся выпалить правильный ответ на секунду раньше нее! Поразительный, пугающий человек. Он стал тенью, преследовавшей ее все годы начальных классов.

Когда она перешла в первый класс средней школы, случилось чудо: Линь Юйбай перепрыгнул сразу в третий. Юйшэн уже готова была запускать фейерверки от радости, но, вступив в школьную сборную по олимпиадной математике, снова наткнулась на своего вечного соперника. Итог оказался безжалостным: на национальном первенстве она потерпела фиаско, в то время как Линь Юйбай с триумфом взял золото на Международной математической олимпиаде.

Затем этот вундеркинд сдал экзамены за девятый класс с наивысшим баллом в городе и

поступил в старшую школу, где опять пролетел программу экстерном, оказавшись сразу в выпускном классе. Больше они не пересекались, и Юйшэн могла лишь издали следить за легендарными свершениями этого гения.

— Представь: ты бежишь изо всех сил, задыхаешься, а человек перед тобой уносится за горизонт с легкой непринужденностью. Эта беспомощность... ты хоть понимаешь, каково это?

Мэйшэн лишь сочувственно покачал головой — проблемы одаренных умов были ему чужды.

— Одним словом, — вздохнула Юйшэн, — он растоптал мое эго гениальной девочки раз и навсегда.

Мэйшэн не сдержал смеха:

— Ну, не преувеличивай.

Юйшэн подперла щеку ладонью и задумчиво прищурилась:

— Хотя... погоди. Был один раз, когда мне удалось обставить его у доски. Единственный раз в жизни!

— Вот видишь, а говорила — чудовище без изъянов.

— Правда, в тот день он просто забыл позавтракать, и у него упал сахар в крови, — со вздохом добавила она. — Помню, он стоял бледный как полотно, едва на ногах держался, и его прямо из класса унесли в школьный медпункт.

Машина уже сворачивала к их дому, когда Юйшэн вдруг хлопнула себя по лбу:

— Ой! Точно! Вспомнила! Это ведь ты тогда оттащил его к врачу!

Мэйшэн изумленно моргнул.

«Надо же. Не знал, что занимался благотворительностью в детстве.»

Память Юйшэн, как всегда, не подвела на деталях:

— Ты тогда еще выпятил грудь колесом и гордо так заявил: «Я сильный, я справлюсь!», взвалил его на закорки и уволок!

Мэйшэн честно попытался вспомнить события тех лет, но детские воспоминания давно подернулись туманом.

Куда больше его сейчас занимал другой вопрос: был ли этот статный Линь Юйбай тем самым многострадальным пассивом из третьей книги, чей жизненный путь был столь безжалостно растоптан?

Всё начиналось несколько месяцев назад, сразу после его развода с Фу Янем. Именно тогда, пребывая в полузабытии между сном и явью, Мэйшэн внезапно осознал, что живет внутри литературного произведения. Ему открылось содержание целой трилогии, связанной единым миром. Герои первого тома становились второстепенными персонажами второго, а сам он, Цзян Мэйшэн, неизменно присутствовал во всех трех книгах на правах блеклого и весьма сомнительного статиста.

В то время он только-только узнал о существовании «белого лунного света» в сердце бывшего мужа — некоего Се Юя, по которому Фу Янь сох долгие годы. Переживая тяжелый разрыв, Мэйшэн внезапно осознал горькую истину: его благоверный Фу Янь являлся главным героем-активом в этой книжной вселенной, а его ненаглядный Се Юй — предназначенной ему половиной. Собственная драма Мэйшэна, все его метания и разбитое сердце оказались лишь дешевой декорацией для чужого счастья. Он был обречен на провал просто потому, что не родился главным героем.

Какому же безумному автору пришла в голову идея так нещадно эксплуатировать одного и того же несчастного статиста? Словно у второстепенных персонажей нет чувств, и их можно пинать из тома в том ради продвижения сюжета!

Подавив подступившую ярость, Мэйшэн заставил себя дочитать трилогию до конца и обнаружил, что в финальной части притаился бедолага, чья участь была стократ незавиднее его собственной. Главный герой третьей книги — Линь Юйбай.

Сюжет этого тома представлял собой классическую слезодавилку про абьюзивные отношения.

История начиналась с того, что замкнутый, неразговорчивый Линь Юйбай переводился в новую школу. Там он ухитрился сразу же задеть местного авторитета и заносчивого богача Хо Сыяна, после чего подвергнулся нападкам со стороны его свиты. Сдав экзамен лучше всех, Юйбай получал обвинение в списывании, но с блеском доказывал свою правоту. Позже учителя обязывали его подтянуть Хо Сыяна по предметам, и в процессе совместных занятий между непримиримыми врагами вспыхивала искра.

Идиллия рушилась, когда по школе расползались грязные слухи: якобы на прежнем месте учебы Юйбая поймали на воровстве, и перевелся он лишь потому, что житья ему не давали. Травля разгоралась с новой силой, и Хо Сыяну приходилось брать парня под крыло.

Хо Сыян выяснял, что сплетни распускала его собственная невеста. Он жестко осаждал девицу, но та в отместку заходила слишком далеко: похищала Юйбая, намереваясь подвергнуть его групповому насилию. Чудом избежав беды, Юйбай сбегал, но по иронии судьбы банда насильников переключалась на саму заказчицу. Не вынес позора, опороченная невеста кончала жизнь самоубийством, оставив записку, в которой во всем винила Юйбая. Хо Сыян в

ярости отрекался от возлюбленного, погружая того в пучину отчаяния.

Спустя годы, окончив магистратуру, Линь Юйбай устраивался исследователем в фармацевтическую компанию. Там его пути вновь пересекались с Хо Сыяном. Тот шел на сближение, и старые чувства вспыхивали с прежней силой.

Однако на пороге выпуска революционного лекарства уникальная формула оказывалась украденной, что приносило компании колоссальные убытки. Подозрение падало на Юйбая, через чьи учетные данные утекли файлы. Его с позором увольняли, занеся в черный список всей отрасли. И лишь когда карьера была уничтожена, Юйбай узнавал страшную правду: похищение организовал сам Хо Сыян ради мести. Осознание этого предательства ломало Юйбая. Он впадал в тяжелейшую депрессию и пытался покончить с собой. Ведомый безумной смесью любви и ненависти, Хо Сыян запирает его под домашний арест, подвергая психологическому и физическому насилию, пока в финале они каким-то немыслимым образом не обретали «счастливый финал».

Читая эту нелепицу, Мэйшэн едва сдерживал ругательства. Что за бред сивой кобылы!

Линь Юйбай обладал выдающимся умом и мог бы построить блестящую научную карьеру, прожить яркую и достойную жизнь. Вместо этого судьба столкнула его с ублюдком Хо Сыяном, который растоптал его труды, сломал ему крылья и навечно запер в золотой клетке своего безумия. Разве это счастливый финал? Чистейший садизм.

Но самым досадным для Мэйшэна было то, что мерзавцем, пустившим те самые школьные сплетни о краже и спровоцировавшим травлю, по воле автора оказывался именно он — Цзян Мэйшэн.

Разумеется, в реальности он никогда бы не опустился до подобной низости — сплетни и интриги вызывали у него лишь брезгливость. Однако если в каноне было прописано его участие, сценарий мог разыгаться и без его ведома.

Ведь Линь Юйбай из романа действительно имел за плечами темное прошлое.

В детстве его похитили и заставили работать на воровскую шайку. Несколько женщин использовали смышленного ребенка как карманника: пока они отвлекали жертв, маленький Юйбай обчищал карманы. Несмотря на возраст, мальчик спланировал побег, но его поймали. В завязавшейся потасовке его жестоко избили, повредив левый глаз, из-за чего тот практически ослеп.

Мэйшэн украдкой присмотрелся к сидевшему рядом Линь Юйбаю. В его взгляде не было и намека на слепоту или дефект зрачка. К тому же книжный герой окончил лишь магистратуру и прозябал в обычной коммерческой фирме, а этот реальный человек защитил докторскую степень и уже в столь юном возрасте возглавлял передовые исследования. Да и иероглифы в их именах, как выяснилось, различались...

Значит ли это, что перед ним совсем другой человек, не имеющий отношения к той жуткой драме? Мэйшэн очень на это надеялся.

<http://bllate.org/book/19840/2001144>